

Москва

4
2013

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

4

2013

16+

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию со дня рождения Л.И. БОРОДИНА

Владимир ОСИПОВ. Духовный мир Л.И. Бородина. —

Петр КРАСНОВ. «Потерянное поколение»?.. —

Иван САВЕЛЬЕВ. Достоинство слова 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Максим КАНТОР. Красный свет. Главы из романа 11

Андрей ГАЛАМАГА. Замкнутый круг. Стихи 99

Алексей ШОРОХОВ. Победа пахнет фиалками и напалмом. Повесть 103

Юрий МОГУТИН. Мозаика творенья. Стихи 120

КАМЕРТОН

Александр ЯШИН. Не отрекаюсь от вины 128

Сергей БАРАНОВ. На пути к себе 134

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БОХАНОВ. У истоков национально-государственного
самоопределения Руси–России 135

Александр БЕНДИН. Возвращение Белой Руси 145

Сергей СИДОРЕНКО. Нерыночная ценность русского триединства 155

Владислав ШВЕД. Молчание Горбачева (продолжение) 161

Борис ТКАЧЕНКО. Зачем нужен мирный договор с Японией? 171

КУЛЬТУРА

Лада ШТРАУС. Путеводитель по повести Л.И. Бородина «Ловушка
для Адама» 182

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Ирина БУШУХИНА. Труды и дни Анны Блиновой. —

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Жизнь как основа сюжета. —

Владимир ЗАХАРОВ. А сыновья уходят в бой 203

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Владимир СУПРУНЕНКО, Юрий СУПРУНЕНКО. **Приобретенное (ремесла, промыслы, занятия)** 211

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. **Русский почерк зодчего Ивана Машкова** 220

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Андрей КОСТРЮКОВ. **Архиепископ СЕРАФИМ (СОБОЛЕВ) и церковные проблемы современности** 224

Диакон Илья МАСЛОВ. **Отчисление из СФИ – возвращение в Церковь** 237

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Зам. главного редактора, зав. отделом прозы и поэзии А.Ю. СЕГЕНЬ (495) 691-83-86

Зам. главного редактора, зав. отделом публицистики А.В. ВОРОНЦОВ (495) 691-83-64

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСИЙ (ФРОЛОВ),
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН, В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 25.03.13. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.

Тираж 2700 экз. Заказ 710.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: **73253** – каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** – «Пресса России», **45211** – каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор» ОАО «Первая образцовая типография». 142300, г. Чехов Московской области. Факс +7(49672) 6-25-36, +7(499) 270-73-59. Телефон (многоканальный) отдела продаж услуг: +7(499) 270-73-59. Сайт: www.chpk.ru; e-mail: marketing@chpk.ru

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 4, 2013

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л.И. БОРОДИНА

ДУХОВНЫЙ МИР Л.И. БОРОДИНА

Леонид Иванович Бородин (1938–2011) — замечательный русский писатель и замечательная личность. Вот его биография уж точно просится в серию «Жизнь замечательных людей». Он сам пишет о себе, что, покинув в юности милицейскую школу, остался солдатом на всю жизнь. При этом был болен особой социальной чувствительностью: «Проблема СТРАНЫ оказалась для нас первичнее и важнее всего личного». При этом Запада как места жительства для него не существовало. И начисто отсутствовала идея карьеры. Была только тяга к правде, к истине. Страстно перелопатил гору книг, пока этот в прошлом убежденный комсомолец не наткнулся на русскую философию рубежа веков (XIX–XX), на Православие и Святую Русь. А начинал с Гегеля, который учил: идея подлинной свободы пришла в мир через христианство, согласно которому «индивидуум как таковой имеет бесконечную ценность, поскольку он является предметом и целью любви Бога».

Вступив в 1965 году в подпольную антикоммунистическую организацию ВСХСОН, вместе с другом своим Владимиром Ивойловым ощутил себя смертником, человеком, сознательно согласившимся отдать жизнь за Родину, за ее освобождение от богоборческой диктатуры. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народов выступал за христианизацию политики, экономики и культуры, то есть за те ценности, которые и сегодня официально не признаны. Ведь у нас с августа 1991 года «отменена» идеология.

Бородин — русский националист в лучшем смысле этого слова, так, как это понимал И.А. Ильин. Но словесно Леонид Иванович отстраняется от этого «титула». Оно и естественно. Ведь сейчас многие непонятно почему стали именовать себя русскими националистами — например, Константин Крылов, размышляющий о желательности отсоединения от России Дагестана, Татарстана и Якутии. Лиха беда начало. Так скукожимся и до жизненного пространства времен Ивана Третьего. Но христианский национализм Бородина обнаруживается неоднократно. Вот его стихи: «Я слишком русский, чтобы просто кор-

миться благами земли». Бородин — державник и русофил. Мы видим его бережное, любовное отношение к русскому языку и к литературно-художественному творчеству русской словесности, непременно ориентированной на светлое и доброе. Он возмущен русофобией воинствующих либералов и категорически утверждает, что и «Память», и Русское национальное единство (РНЕ) — это адекватная реакция на откровенно публичное русоедство «образованцев». Радио «Свобода», например, не устает вещать об исторической несостоятельности России в политическом и культурном отношении. «Именем прав человека, — пишет Бородин, — разбомбили человек в Белграде и Багдаде». «И Российское государство никак не может возродиться без покушения на права человека, не желающих этого возрождения». Но и мировая закулиса ему отплатила. Сначала широко и повсеместно его печатали как диссидента и узника ГУЛАГа, а узнав после поездки в Америку, что он русский патриот, мгновенно забыли.

Леонид Иванович справедливо оценил органы КГБ как соучастника случившейся катастрофы, роль Андропова, приблизившего к себе будущих прорабов перестройки Бовина, Арбатова, Бурлацкого и других, и, увы, роль российского парламента, проголосовавшего за расчленение страны, а до того заключившего преступные договоры на государственном уровне с Латвией и даже с Бурятией. Коммунистическое полицейское ведомство защищало, по сути, не государство, а идеологию. Коммунистический режим свалила своя же партийная номенклатура, а инакомыслящие борцы к этому перевороту не имеют никакого отношения. Ведь именно Андропов вытаскил из ставропольской глубинки антикоммуниста Горбачева и продвинул его до уровня своего преемника.

Русское наследство, в том числе наследство государствообразующее, хранится в генетическом коде народа. И «эффект присутствия в переболтанном обществе упрямого “русизма” переоценить невозможно, поскольку он и есть собственно фундамент будущего государственного устройства». Криминальный взрыв в России после 1991 года объясняется тем, что народ в массе своей уже не имел ни веры в Бога, ни веры в социализм. «Никогда в истории человечества никакой народ в течение одного поколения не лишился национальной религии, а с ней и моральной кодексом».

Оппозиционное состояние сознания, считает Бородин, чревато искажением, повреждением души. Для него Овод, карбонарий XIX века, — это крыса. «Всякая идеологическая установка, хотя бы самым краешком близкая к революционной, в своем итоговом итоге противоположна человеческому бытию, потому что рожден человек для созидания жизни и продолжения его посредством любви» — таково кредо Бородина.

«Русский человек еще век назад почувствовал опошление культурного пространства, идущее с крайнего Запада, наступающее на Запад срединный, на Европу...» И далее: «Что-то особое, неевропейское, почти инопланетное вышло из недр теперь уже исключительно американской цивилизации, и опошление сперва внутреннего культурного пространства, а затем агрессия пошлости». Тонкий знаток музыки, писатель-традиционалист возмущен современным псевдомузыкальным террором. Даже не героин, а афроамериканские ритмы прежде всего готовят все прочее человечество к подчинению иному духу. Понятно какому.

Убежденный государственный деятель, Бородин прямо говорит, что сопротивление государственной регенерации — и цель, и смысл, и даже нравственная потребность так называемых «неприкасаемых» — клана СМИ. Он предвидит неизбежность восстановления государства Российского, причем придется вытаскивать идею государственности уже не за плечи, а за волосы, что довольно больно. Но... «Без боли государства не возникают, без боли не распадаются и тем более не воскресают». «Или мы, русские, растворимся в “новом мировом порядке”, либо с воплем воскреснем как народ, как нация, как государство».

Чрезвычайно важно, на мой взгляд, его следующее признание о себе: «В действительности был полон любовью к человеку, что, может, одной любовью и жил, а вражду и отталкивание только изображал...»

Таковы вкратце взгляды продолжателя традиций великой русской литературы и русского духа. Поборника высшей правды.

Владимир ОСИПОВ

«ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»?..

Перечитал недавно повесть Леонида Ивановича «Расставание», название которой уже предполагает вопрос: с кем, с чем предстоит прощание? С кем — по предчувствию понятно: с Тосей, с любовью, которую долго, едва ли не всю жизнь, искала душа Геннадия, от его имени повествование и ведется, — с любовью не только женской, а и просто человеческой, верной, надежной до конца. Прочитывается и дальше, глубже — прощание с надеждой на иную, душевно и духовно куда более содержательную жизнь, чем московская суета сует, «тараканьи бега» мнимой успешности, соперничества, зыбкого приятельства, запутанных и непрочных связей: «Кругом неподлинное бытие: слова с двойным дном, идеи в масках, все деяния двусмысленны... Мы все халтурщики, вся наша жизнь — халтура...»

Это время начала безвременья, смуты, самый канун восьмидесятых годов, когда уже, по-шукшински, «народ к разврату готов» был — в первую очередь столичный. Тогда же, кстати, в литературном движении стала оформляться «проза сорокалетних», как она была заявлена ее критиком-идеологом Владимиром Бондаренко, — так до конца и не оформившаяся и к закату восьмидесятых, считай, распавшаяся, разбрелась по совершенно разным, подчас противоположным в идейном плане «толстым» литературным журналам, направленным мысли вообще. В ней временно сосуществовали Владимир Гусев и Александр Проханов, Руслан Киреев и Анатолий Афанасьев, Анатолий Курчаткин и Вячеслав Шугаев, Анатолий Ким и Владимир Маканин, Владимир Личутин и Владимир Орлов, примыкал к ней и я, тридцатилетний тогда, как и Володя Бондаренко. У многих из них была некая литературная мода на «амбивалентность» своих героев-персонажей, двойственность и противоречивость их характеров, а с ней и неопределенность стремлений и самого смысла жизни, нецельность их натур. Западноевропейские «экзистенции» в условиях «детанта»-разрядки размывали, растаскивали мировоззрения советской интеллигенции, расщепляли и усложняли сознание ее, не обогащая по-настоящему, не «окормляя» желанной истиной, но выбивая подчас почву из-под ног, соблазняя ложной, ставшей диссидентским фетишем свободой от сложившихся «догматов» общества и государства, и все поползло, поплыло. Их только начни ломать, догматы...

Леонид Бородин не имел к этому «тренду» части «сорокалетних» никакого отношения, досиживая свой второй срок; но зато более-менее общим оказался новейший и отнюдь не геройский тип «героя нашего времени», увиденный им и прочувствованный еще в 60–70-х — причем с противоположных, можно сказать, мировоззренческих позиций прочувствованный и понятый, отталкиваясь идейно от этого вездесущего уже в мегаполисных тусовках типа. Его можно отнести и к «шестидесятникам»; но скорее это некая промежуточная форма, способная в себе «творить небывалую субстанцию духа — гордость уничижения» с умеренной, на самооправдание направленной фрондой: «Равнодушие и лирический пессимизм были опознавательными знаками нашей касты...»

Геннадия вроде бы не откажешь в искренности перед самим собой, в русском самобичевании даже, и в нулевой, начальной главе мы видим высший взлет души и духа его, любви к Тосе, к жизни самой — когда в нем просыпается настоящий, «должный» человек, и он сам это понимает, есть в нем все-таки понятие должного, душа у него — христианка. Но въевшаяся во все поры псевдоинтеллигентская рефлексия уже понемногу начинает в нем свою разрушительную работу, и читатель со все возрастающей тревогой следит, как она все больше вытесняет, замещает собою то чистое и яркое чувство, которое было послано ему Провидением для Дела жизни, для духовного вызволения из «неподлинного бытия». У него, вернувшегося в привычную засасывающую суету Москвы для решения пресловутого «квартирного вопроса», начинают проскакивать привычные «мыслеформы» вроде «я уже гомо эсперантус», «я не приложу руки, да здравствуют неделяющие» — и наконец посыл, что, мол, «самый истинный тип любви» — на расстоянии...

Декларируемая им то и дело воля быть самим собой, не зависимым в принятии решений ни от кого, как-то незаметно для него самого, неявно «сползает» в прежнюю колею-парадигму существования: остаться таким, каким был, не ломать себя, не выстраивать волевым выбором — зачем? Тем паче что и причина есть: беременность его прежней подруги Ирины. И мучается он выбором, надо сказать, не так уж долго, и впору подумать, что предметом его переживаний служит не столько даже душевная дилемма — Тося-Анастасия или Ирина? — сколько сама ситуация, в какую попал: «...и некуда сделать шага, чтобы он не оказался решающим»... Это тоскливое «не», эта внутренняя боязнь «решающего» характеризует Геннадия больше, может, чем все его самокритичное краснбайство. А все начинается с потери веры в себя, веры себе. Порыв любви не то чтобы прошел, но... И что в остатке? Да, христианскую обязанность по отношению к Ирине и отцовскую к их будущему ребенку он берет на себя, это даже делает ему честь, пусть и относительную; но идет-то он, можно сказать, по линии наименьшего сопротивления среды и судьбы, по течению, волей-неволей путем предательства всей любви, всех надежд на новое, подлинное бытие, исполненного смысла и света свыше, в православном постижении мира, в осознании себя не мизерной частью столичных равнодушных толп, но детьми Божьими: «Есть Тося... она — сама жизнь». И эта жизнь бездарно упушена, предана.

Нет Тоси, и все возвращается на круги своя, завершается дикой, в полном смысле расхристанной не пляской даже, а беснованием, «последней степенью расsvобождения» — которая хуже любых оков. Мало чего доброго сулит, как кажется, и семейная жизнь Геннадия с Ириной — этих неуравновешенных, амбивалентных и довольно эгоистических натур, где каждый с гордынкой и неутоленным своенравием. Под ней, фигурально выражаясь, заложена мина брошенной, преданной, но незабытой любви к Тосе у Геннадия и неизбежной ревности у Ирины, и рано или поздно она сдается, сработает...

И расставание ли это с несбывшейся любовью двоих, с возможной полнотой и радостью не только душевного, но и духовного бытия? Или не сбывшаяся до конца, прерванная малодушием героя встреча? Он не смог пойти на куда более трудный вариант их, троих, а с ребенком и четверых, общей судьбы, не смог расстаться с прежней, с «ветхой» жизнью своей; но, думается, и хорошо, что не решился, потому что не очень-то верится и в долгое благополучие его семейной жизни с Тосей, да еще в Москве той, в прежней мутной среде. Ненадежен, переменчив, даже капризен — и все это в силу изначальной, несмотря на отдельные порывы, теплохладности своей...

И вопрос возникает — не сказать чтобы неожиданный: что это, своего рода «потерянное поколение»?

Да, герой очень далек от персонажей Ремарка и Хемингуэя, но причина массового появления этого типа людей во многом схожа: это социальное следствие войны, бессмысленной для низов, как Первая мировая, или проигранной. А в

предперестроечные годы в стране если и не угадывалось впрямую, то чувствовалось, что мы уже проигрываем Западу в чем-то весьма существенном, значимом, не учтенном партийными идеологами и затурканной, под «всепобеждающее учение» выстроенной во фрунт социологией, социопсихологией тоже. Результатом промахов в социальной инженерии явилось квазипоколение мегаполисной стопятидесятирублевой интеллигенции, которая и послужила массовой, тестом «номенклатурной революции», а дрожжами — второй-третий эшелоны власти, рвавшиеся к рулю, к давно уже задуманному «большому хапку». Предательство «элиты» (ибо истинная элита не предает) и стало решающим в нашем государственном поражении, зомбированные «перестройкой» массы интеллигенции были использованы здесь самым циничным образом.

Семья Геннадия в этом смысле — типичнейший «продукт распада» советской столичной интеллигентской страты. Отец, давно остывший, «хладный» марксист и рационалист, занимающийся тем, чего не любит и во что уже не верит. Сын, человек без Дела жизни и о нем не думающий, да у него ни честолюбия должного для этого нет, ни цели. Мать и сестра, диссидентствующие, легко внушаемые истерички, чье поверхностное «инакомыслие» не более чем недомыслие, полное непонимание происходящего.

И вообще, диссидентской Москве Леонид Бородин отвел самые, пожалуй, язвительные страницы своей повести, показывая или никчемность, пустое фрондерство, или своекорыстность диссидентства, хорошо просчитанный умысел как внутренних, так и внешних враждебных стране сил. Совершенным предсказанием, ныне сбывшимся, воспринимаются слова дочки полковника КГБ: «Папа говорит, что если им волю дать, то все развалится, а им и нужно, чтобы все развалилось. А китайцы сожрут все по частям...» Китайцы, Запад ли, исламский ли натиск — разница не столь велика, чтобы предпочесть одно другому. И разумеется, деятельность, борьба Леонида Бородина и его товарищей по ВСХСОНу имели совсем другой характер, направленный именно на то, чтобы не «развалилось».

Эта теплохладность, а по большому счету — равнодушие и отца в семье, и сына, это неумение и нежелание подавляющей части мегаполисной интеллигенции думать над последствиями своего ура-демократического ража, ее удивительная податливость на зомбирование со стороны козлов-provokаторов привели в конце концов к захвату власти самими что ни на есть отъявленными проходимцами, а затем и к развалу СССР, исторической России то есть. И «потерянным» это поколение столичных (и не только) интеллигентов оказалось сначала в умственном и моральном смыслах, а следом и в социальном, статусном плане, потерявши какую-либо профессиональную перспективу, когда разорили их НИИ-«кормушки», и в массовом порядке подавшись в «челноки», мелкие менеджеры и прочие «подметалы», а то и в заурядную нищету. Нет бы отстоять русский здравый смысл перед проходимцами, не дать им воли... И ни стране, ни себе самим не принесено ими никакой истинной пользы, а только неисчислимые беды, только смута. Вполне можно счесть это изменой тоже, предательством идеалов своих отцов и дедов, людей высокого державного Дела.

И можно, пожалуй, представить себе проблематичную будущность героя повести. Навряд ли он станет активничать в пресловутом «демократическом процессе», для этого он опять-таки достаточно равнодушен, умен и брезглив, наглядевшись на диссидентуру отечественного розлива. Будет искать всяческие «шабашки» и, скорее всего, пристроится на подхвате к бизнесу «полтинника» Полуэктова, истинного выгодополучателя этого мерзкого «процесса». Еще прозрачнее видится судьба дежурной Ирины, по всему судя — очередного мелкого клона типа небезызвестной Сорокиной.

А вырождение интеллигентности как процесс в «образованном классе» между тем продолжается. И все большее подтверждение и оправдание получает смысл термина, введенного мною в оборот в одной из журнальных статей около двадцати лет назад, в начале восьмидесятых: «люмпен-интеллигенция»...

Во времена написания (а это самое начало восьмидесятых) повесть читалась бы как тревожное предупреждение о серьезных неладах в душах наших, о какой-то внутренней расслабленности, если не расхлябанности, как ощущение того, что русское железо явно «отпустилось», утратило прежнюю закалку. Сейчас же, на фоне всего пережитого, ставшего крайне драматическим опытом нашим, она воспринимается едва ли не пророчеством, вовремя не услышанным, и суровым укором нам, не сумевшим в должной мере сохранить добро, любовь.

Петр КРАСНОВ

ДОСТОИНСТВО СЛОВА

Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, и потому надо желать одной правды... и даже несмотря на все преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее.

Ф.М. Достоевский

Судьбы мастеров литературы, имеющих твердую нравственно-гражданственную позицию, в годы властного произвола схожи своей трагичностью. Так было с Александром Трифоновичем Твардовским и его молодым современником Леонидом Ивановичем Бородиным.

Твардовский в свой предъюбилейный и юбилейный год был в духовной, а если быть точным — в антидуховной брежневско-сусловской зоне, что и свело его в преждевременную могилу, а Бородин находился в той самой зоне, откуда редко кто со времен ГУЛАГа возвращался.

И хотя он, дважды осужденный, вернулся, последствия зоны давали о себе знать, медленно готовя ему судьбу Твардовского и главного героя его повести «Третья правда» — Ивана Рябинина.

Третья правда, кою исповедовал Андриан Селиванов, браконьер и антипод егеря Ивана Рябинина, сблизил их рябининской кровью во время их разборки. Селиванов, не принявший в тайге новой власти, бахвалился: ему, мол, не нужна ни правда белых, ни правда «звездочек» — у него своя, «третья правда». На словах это так и было, а по жизни — Селиванов сначала со своей правдой помог белым уйти от красных, а потом со своей укромной скалы убивал каждый раз нового командира «звездочек»...

У егеря Рябинина, принявшего новую власть, была правда этой власти, однако он от нее получил десятку зоны, а в результате безуспешных побегов она увеличилась до четвертака, то есть жизнь его практически была погублена окончательно.

В этом — стержень «Третьей правды», повести, что зачиналась там, в тайге, кою воспел Леонид Иванович Бородин таким языком — по-бунински пластичным и по-купрински вдохновенно-романтическим, — что она по публикации приобрела не только всесоюзную, но и мировую известность.

Густа эта проза; ее язык — это язык прозы поэта (а Леонид Бородин — подлинный мастер стиха), и эта поэтическая речь как бы наложилась на речь самой тайги, то тихой и безмолвной в распадах, то звучной на скалах, и их высота гармонировала с высотой бородинского слога. А в герое повести Иване Рябинине угадывается сам Леонид Иванович, ибо он на своей литературной делянке был Егерем Сло́ва, восходившим, как и Иван Рябинин, к новой, своей «третьей правде», коя была уже правдой вечной, правдой Бога, давшей им обоим силы пройти достойно свой путь до конца.

Материала этой повести в 8–9 авторских листов, с такими крупными характерами, как Рябинин, Селиванов, Светличная, и сюжетными линиями Иван Рябинин — Людмила Оболенская, Наталья — ее брат, баламут и деградант Ванька Оболенский, иному нынешнему «классику» хватило бы на роман в 40–50 листов!

Мне скажут, что у Леонида Бородина есть и другие превосходные произведения. Кто же не знает его «Повести странного времени», «Года чуда и печали», «Расставания», «Ловушки для Адама», «Без выбора», «Посещения», «Царицы смуты» (повесть о Марине Мнишек).

Знают.

Целят.

Любят.

Но, как у каждого крупного художника, у Бородина есть вершинное произведение. Вспомним, таким произведением у Тургенева были «Отцы и дети», у Толстого — «Война и мир», у Бунина — «Жизнь Арсеньева», у Горького — «Жизнь Клима Самгина». Этим произведением у Бородина стала «Третья правда».

А свое писательское кредо Леонид Бородин сформулировал в повести «Полюс верности»: «Как это желательно — видеть линию своей судьбы штрихом на плане судьбы народной». Эта линия судьбы ярко прочерчена в превосходном венке сонетов «Осенняя мелодия», который написан Леонидом Ивановичем в 1970 году во Владимирской тюрьме, куда он был переведен во время второго срока из мордовского лагеря:

Узор мотива бесконечно нов,
Причудлив строй славянского мотива —
Надсадно ли, спокойно ли, игриво,
Береза ли, рябина ли иль ива,

На пашне ли, у праздничных столов,
Где песне место — славянину кров.
Ключ от сердец, от счастья, от миров —
У запевалы Божий дар счастливый!

Кто наделен им — назовется брат.
Кто обделен им — подпевать бы рад,
Лишь только б песня русская звучала,

Да обо всё, что просится сначала,
И смех и грех в достоинство вбирая,
Как первый луч, как молодость... Вторая...

Какой сдержанный слог! Какое достоинство в его слове! А ведь, не забудем, пишет Леонид Иванович эту песнь народной судьбы, в которую — полностью, гордо и взволнованно! — перетекает судьба Поэта, — в тюрьме, где даже очень сильные люди ломались, а если и писали что-то, то это был крик, пусть и оправданный, но все-таки крик.

Литературная полянка Бородин со временем превратилась в литературную равнину-материк, что будет застелен тысячами страниц журнала «Москва», которым Леонид Бородин руководил с 1990 года до своих последних дней...

И этот литературный материк, подчеркну еще раз, зорко и надежно охранял он, ЕГЕРЬ СЛОВА, не допуская к нему многочисленных браконьеров от литературы.

«Новый мир» Твардовского после его ухода еще какое-то время, при Наровчатове и Залыгине, держал планку Александра Трифоновича, а потом стремительно покотился вниз, до своего нынешнего плачевного состояния, — журнал

же «Москва» держит бородинскую планку высокой духовности, а каждый его номер завершается «Домашней церковью» — разделом, окормляющим все его страницы божественным светом Неба, разделом, который так бережно, с таким душевным трепетом формировал Леонид Иванович Бородин.

* * *

...В последний раз мы встретились в редакции журнала в роковом для Леонида Ивановича 2011 году.

Он не сидел в просторном алексеевском кабинете, а примостился у краешка стола в маленькой комнате. Леонид Иванович расспрашивал о моих делах — и ни слова о себе, только в открытых его глазах стояла неизбывная тоска.

Он заглянул в мою новую подборку стихов и сказал, чтобы я их отнес в отдел, — он во всем доверял сотрудникам, и они высоко это ценили.

Я ушел, а вскоре и его не стало.

Но я до сих пор вижу его сидящего у краешка стола, рядом с дверью, точно он собирался уйти незаметно из редакции и, к великому несчастью для русской литературы, из самой жизни.

Узнав о его кончине, я на следующий день, 28 ноября 2011 года, написал стихи, коими и заканчиваю свои беглые раздумья о выдающемся Поэте, Прозаике и Гражданине России Леониде Ивановиче Бородине.

Подвижник

Его пытались в зоне извести,
Как часто с непокорными бывало,
Но «Третья правда»
С ним была в пути.
В душе родясь,
Она его спасала.

Он не показывал,
Как он страдал,
Как будто шел — через года! — тайгою.
И этой Правдой —
Истиной нагою —
Созвездие талантов облучал.

Он не жалел ни времени, ни сил
И, слыша голос неземного зова,
Литературе истиной служил
И спас «Москву» —
Журнал Святого Слова.

...Я знаю, перед ним я виноват.
Крепился ты,
Но — изнемог и рухнул.
И, видя сквозь толпу живой твой взгляд,
Виновным себя чувствует Арбат,
Где ты шагал и где витает дух твой.

28 ноября 2011 года

Иван САВЕЛЬЕВ

МАКСИМ КАНТОР

КРАСНЫЙ СВЕТ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Максим Карлович Кантор родился в 1957 году в Москве. Окончил Московский полиграфический институт.

Российский художник и писатель. Активно выставляется как художник в России (Третьяковская галерея), Великобритании (Британский музей), во многих галереях Европы и США. В 1997 году — участник русского павильона Венецианской биеннале.

В 2006 году опубликовал двухтомный роман «Учебник рисования», вызвавший полемику в прессе.

От редакции

Предлагаем вниманию читателей главы из нового романа Максима Кантора «Красный свет». Роман вошел в длинный список премии «Национальный бестселлер». Печатаая отрывки или, лучше сказать, фрагменты величественной картины (сравнение с живописным полотном очень подходит к роману), мы исходили из того практического соображения, что в полном своем виде роман занял бы пять-шесть номеров журнала и публикация растянулась бы на полгода, а между тем роман уже готовится к изданию отдельной книгой и вот-вот должен появиться в книжных магазинах.

Сам автор в одном из интервью пояснил: «Роман устроен терцинами: постоянно повторяется связка из трех глав, первая из которых — о современности, вторая — о мировой войне, показанной через судьбы советских людей, третья — Вторая мировая и современность глазами гитлеровского чиновника. И каждая терцина рифмуется со следующей. Эти три линии пересекаются между собой постоянно, герои переходят из одного повествования в другое. Мало того, у каждого из них есть предок или потомок, действующий в ином времени, тем самым помимо прочих предлагается еще и поколенческий взгляд на историю. Структура терцин проходит через весь роман, и эти сквозные рифмы поколений связывают все главы».

Мы выбрали главы, в которых в самом буквальном смысле клокочет так называемая злоба дня и действуют вполне узнаваемые герои — наши современники. Это всего лишь один из многих планов очень объемного и глубокого произведения. В следующем, майском номере мы планируем напечатать отрывок, посвященный событиям Великой Отечественной войны. Трудно в нескольких коротких словах охарактеризовать главную тему романа «Красный свет». Пожалуй, более всего подходит определение

«исторический эпос». Предвоенное тревожное время, свирепые сражения Великой Отечественной войны, разрушенные судьбы и раздавленные жизни. Одновременно с описанием грандиозной общеевропейской трагедии автор показывает вполне прозаическую бухгалтерию политического расчета, исследует действия тех тайных сил, которые провоцируют тектонические сдвиги мировой истории.

Представляя читателям отдельные главы из романа «Красный свет», главы со своим отдельным детективным сюжетом, мы поступаем примерно таким образом, как если бы, положим, из романа «Мастер и Маргарита» была исключена фундаментальная историческая часть, опущена любовная интрига, а остались только те главы, где орудует Воланд со своей свитой и описываются проходимцы, населявшие Москву 30-х годов. Точно так же из романа «Красный свет» мы изъяли эпическую часть и оставили главы, где действуют маленькие люди, где сшибаются самые пошлые и мелочные житейские интересы. Впрочем, если хорошенько вдуматься, то в каком-то смысле лирика частной жизни всякого маленького человека на поверку оказывается прочнее и фундаментальнее эпоса. Как ни парадоксально, но все грандиозное, эпическое, «вечное» более зависимо от времени, чем чувства и переживания самого ничтожного и маленького человечка. Созидаются и рушатся империи, меняются исторические эпохи, демократия приходит на смену тирании, а человек все тот же, и любовь у него все та же, и страсти его все те же, и что удивительно — именно об этих всем известных, живых и милых мелочах читать нам всегда интересно!

Глава первая Псих

1

Выражение «рукопожатный человек» вошло в салонную жизнь Москвы в те годы, когда пожимать руку не стоило уже никому. Жест символизирует доверие, а кому теперь можно доверять?

Надо соблюдать осторожность в распределении рукопожатий, это в большом городе затруднительно. Досадные казусы случаются сплошь и рядом: ловят вора — и выясняется, что вор дружен с лучшими людьми города. Ведь не в одночасье объявляют делового человека мошенником — до того он успевает пожать тысячи благородных ладоней. Ах, сколько дворцовых полов натерто штиблетами интеллигентов, пришедших за грантами к бандитам, сколько яхтенных палуб истоптано в свободолобивом танце на днях рождения у воров! И почему знать, из каких средств будет оплачен благотворительный обед, на который позвали вечером. Неужели благородные люди питаются продуктами, приобретенными на краденное у пенсионеров? Поневоле задумаешься и спрячешь руку в карман.

Однако не все так печально — посмотрите вокруг, сколько интеллигентных лиц в нашем городе! Термин «рукопожатные» отделял круг прогрессивных людей от тех, кто не рад демократическим переменам в обществе. Радеть за либерализм естественно для прогрессивного человека, тем более что есть среди нас коммунисты и фашисты, — боремся с ними, а они все живут. Казалось бы, неужели не очевидно, что прогресс и рынок

лучше, чем разруха и казарма? Ан нет, находятся такие, кто тоскует по сильной руке.

Прогрессивным людям пришлось поставить вопрос так: что хуже — легкое воровство или тоталитаризм? Хотелось бы сохранить репутацию вовсе не замаранной, но подвох состоял в том, что воры тоже придерживались либеральных взглядов. Возможно, воры толковали либерализм превратно, но отказаться от их трактовки не удавалось: иногда у воров просили денег. Как бы так ухитриться оградить интеллигентных людей от воров: деньги у воров брать на нужды прогресса, но непосредственно в грабеже не участвовать?

В советские годы гуляла поговорка, будто каждый человек знаком с английской королевой через три рукопожатия. Скажем, ребенок учится в школе с мальчиком, у которого папа торгпред в Лондоне и бывает в Букингемском дворце, — вот и познакомились родители сопляка с королевой.

Нынче всякий интеллигент знаком с вором и убийцей всего через одно рукопожатие. Художники дружат с торговцами оружием, устраивающими им выставки. Журналисты обхаживают разбойников, купивших издательский дом. Писателям пришлось смириться с тем, что руки, вручающие им премию за роман, не столь давно вставляли паяльник в зад должнику. Неприятно про паяльник думать — и мир капитала литераторы научились воспринимать, не вдаваясь в унизительные подробности.

Светские люди кормились в редакциях и галереях; былая интеллигенция подалась в службу олигархов; сделать карьеру без знакомств было трудно, и хотя все культурные люди знали, что их влиятельные знакомые — жулики, про это старались не думать. Выработался кодекс пристойного, необременительного поведения; судили действительность избирательно: порицали чиновников-казнокрадов за взятки, а то, что меценатствующий хозяин целлюлозного комбината не ангел, — про это молчали. Статусом «рукопожатного» дорожили — но не вдавались в подробности, как далеко цепочка рукопожатий заведет.

Этак и до Сталина доберемся через три рукопожатия: вдруг выяснится, что дед работодателя служил начальником отделения НКВД? А то нарвешься ненароком на криминального авторитета: обнаружится, что либеральный богач — лидер солнцевской преступной группировки. История штука коварная, и под прошлым подвели жирную черту. Генетически пороховая гарь не передается, к чему нам знать прошлое? Стараниями журналистов определили необходимый минимум: революция — зло, Сталин — тиран, социализм — тупик. Кому-то покажется маловато, но это хороший рабочий список убеждений. И не надо доискиваться до деталей, кто что брал и кто кого резал, — в конце концов, мы начали новую жизнь, появились иные герои, у них иные судьбы.

Так обратимся же к людям, воплотившим эпоху перемен.

Именно этим принципом руководствовался посол Франции в Москве господин Леон Адольф Леконт, проглядывая список гостей, составленный секретарем. Люди известные, состоявшиеся личности, громкие имена. Посол прочитал список, ставя утвердительные галочки против фамилий.

— А это, позвольте, кто?

— Это имя вписала мадам...

— Да-да, припоминаю, мы познакомились с парой в Греции. Милейшие люди... А это?

— Крупный российский поэт.

— Ну да, ну да... Вы стихи читали?

— Не довелось. Однако вы неоднократно приглашали этого господина к нам в посольство.

— Вот как... А это кто?

— Рекомендовали из Парижа...

— Разумеется, я в курсе. Почему я не вижу имени господина Пиганова?

— Так вот же он, на первом месте.

— Ах, как я не заметил!

И вот карточки с именами гостей расставлены на столе — продумано, кто с кем будет говорить, выдержан баланс интересов. Господин Леконт встал в дверях зала, лично приветствуя каждого, удерживая рукопожатную ладонь в своей, мягкой. Тех, кого Леон Адольф знал коротко, он привлекал ближе, троекратно целуя гостя, по русскому обычаю; в цивилизованном европейском варианте поцелуй выглядел как нежное соприкосновение щек.

Имя посла демонстрировало разумный компромисс в оценке истории; пуская сына в плавание по жизни, родители снабдили его именами, уравновешивающими друг друга: Леон — в честь Блюма, Адольф — в честь Тьера. И что может быть важнее для дипломата, нежели умение избежать одномерных оценок? Рукопожатие тому, кто считает себя левым; объятие тому, кто называет себя правым. Самый облик посла Франции являл уют и согласие: легкий наплыв живота на брючный ремень, приятная округлость щек, открытая улыбка. Входи, друг, говорила улыбка, у Франции нет тайн от русского друга. Садись за общий стол и угощайся! В этих стенах нет места партийной вражде и клановым усобицам.

Гости — один значительнее другого — врывались в обеденную залу, неторопливо дефилировали вдоль стола, заглядывая в карточки с именами. Здесь все люди селекционные, просеянные через мелкое сито цивилизации. Сближенные заботой посла обменивались ласковыми рукопожатиями. Так ежедневно ковалась в московском свете цепь знакомств и пристрастий.

— Кажется, мы соседи?

— О, я наслышан о вас!

— Позвольте вашу рукопожатную руку.

— Недвижимостью занимаетесь?

— Нет, собираю антиквариат.

Разговорились, а там, глядишь, и общий интерес образовался, и бизнес наметился — так и устроен мир, этим мы все и живы.

Господин Пиганов, демократ и лидер оппозиции, раскланивается с госпожой Бенуа, представителем нефтяной компании «Элф», жмет руку поэту Ройтману. Журналист Сиповский обнимается с немецким банкиром Кохом, они, оказывается, давно знакомы через общего друга — банкира Семихатова. Вместе они подходят к редактору Фрумкиной — тут же выясняется, что их усадили рядом. Пожилой политик Тушинский спешит поздороваться с молодым политиком Гачевым, архитектор Кондаков присоединяется к беседе. Как верно, как точно спроектирован праздник.

До чего досадно бывает, когда случайная ошибка приводит к конфликту: в одном месте неверно посадили гостей, и вечер испорчен. Посол прислушивался к разговору за дальним концом стола — нехорошо вышло: крупный предприниматель Семен Семенович Панчиков ввязался в ссору. С кем, любопытно, он так громко говорит? Посол Франции привстал, чтобы рассмотреть собеседника Панчикова. О чем это они?

2

— С чего вы взяли, что Ленин — германский шпион?

— То есть?

— Разве Ленин был шпионом?

Семен Панчиков даже растерялся: таких вещей не знать! Азы, можно сказать, отечественной истории.

— Помилуйте, ну хоть что-то вы читали... Нельзя же вот так... Вы что, совсем ничего не знаете?

— Как раз очень интересуюсь.

— Стало быть, слышали о том, как Ленина везли из эмиграции в специальном поезде, в plombированном вагоне — прямо в Россию, на Финляндский вокзал. Наверняка слышали, как готовили эту акцию с помощью немецких спецслужб, как снабжали партию большевиков германскими марками! Миллионы кайзеровские! Про это подробно написано!

— Где написано?

Опять-таки Семен Семенович опешил: в самом деле, где написано о том, что Земля круглая? Факт известный, а источники где? Враз и не сообразишь. В учебнике географии, наверное, рассказано — для школьников младших классов.

— В учебнике истории, полагаю, про эту аферу подробно написано. Или непременно будет написано! Когда наконец раскроют все тайны большевистского переворота.

— А вы сами где эти сведения прочли?

И правда, где? Где-то про заговор большевиков было убедительно изложено. Семен Семенович стал вспоминать. Статья была опубликована в газете «Аргументы и факты», кажется, году в девяносто третьем. И название статьи он вспомнил, называлась она «Немецкое золото пролетарской революции». Ах, нет, нет! То была газета «Совершенно секретно». Газету «Аргументы и факты» выписывала теща, а вот «Совершенно секретно» выписал он сам — в газете в те годы давали сенсационные разоблачения. Газету доставляли в Нью-Йорк, где в то время жил Семен Семенович, и эмигранты радовались каждой странице — наконец-то! Заголовок, помнится, шел через всю страницу, и еще фотография лысого Ленина: хитрый прищур германского шпиона. Панчиков даже вспомнил день, когда они с женой читали статью, — он позвал Светлану, а та как раз (вот бывают совпадения!) читала подборку смешных анекдотов про Ленина, и они склонились лоб в лоб над газетой, ахнули в один голос: вот оно как, оказывается! Нет, ну вы подумайте, ларчик-то просто открывался! Впрочем, ссылаться на газету несолидно — это при советской власти оболваненные массы ссылались на мнение «Правды».

— Про это всем давно известно.

— А откуда известно?

Помог сосед по столу, тот, что слева. Вмешался в разговор:

— Подробно описано у Солженицына в «Августе четырнадцатого». Изложена вся интрига. Был такой авантюрист Парвус, настоящее имя Израиль Гельфанд. Этот Парвус организовал контакты Ленина с германскими спецслужбами.

— А зачем?

— Ненавидел Россию! С финансистом Парвусом Ленин держал связь в эмиграции, именно через Парвуса немцы снабжали деньгами большевиков, а самого Ленина в plombированном вагоне привезли в Петроград.

— Вот именно! — Как же Семен Семенович сразу не вспомнил про книгу Солженицына, фрагмент эпопеи «Красное колесо»! Вот где факты подробно изложены. — Вы «Август четырнадцатого» откройте. Ликвидируйте пробелы.

— А вдруг Солженицын наврал?

— Как это — наврал?

— Вы сказали: «наврал»?!

Две пары глаз широко раскрылись — давно не обвиняли Александра Исаевича Солженицына во вранье, прошли, слава богу, те времена, когда преследовали в России свободное слово.

— Мог и наврать, — сказал их собеседник и пояснил: — Все-таки художественная литература. Вымысел.

— Знаете, Солженицына уже пытались уличить в клевете. Посадили в лагерь, выслали из страны, запрещали книги. Может, довольно?

Кто мог подумать, что придется снова защищать Солженицына от обвинений? А пришлось! Словно не было бурных двадцати лет борьбы за демократию, словно не было разоблачений коммунистической катастрофы. Панчиков и его сосед испытали понятное всякому русскому интеллигенту волнение: так волновались мы, идя на баррикады свободы в девяносто первом, так нервничали мы в семидесятых, пряча под подушку томик, изданный «за бугром». Кто же не помнит это бодрящее чувство опасности: засыпаешь под утро, а под ухом греется запрещенная литература. И, встречаясь в гостях с такими же, как ты, инакомыслящими, повторяешь, как пароль, заветные слова: «Авторханов», «ИМКА-Пресс», «Посев». Не те уже времена, но вот, как оказалось, и на званом ужине во французском посольстве можно снова оказаться на передовой идеологического фронта. Словно не стол с закусками отделял их от собеседника, но баррикада. Те, что были по одну сторону баррикады, обменялись рукопожатием.

— Семен Панчиков, предприниматель.

— Наслышан о вас. Большое дело делаете, Семен! Евгений Чичерин, адвокат.

— Узнал по фотографиям, Евгений. Вот кого вам сегодня довелось защищать!

— С радостью принимаю такого клиента!

Посмеялись, чокнулись маленькими рюмками сотерна. Вспомнили об оппоненте, взглянули на спорщика. Напротив них сидел невзрачный человек — редкие серые волосы, практически лысый череп, водянисто-серые глаза, тонкогубый рот. И пиджачок у него был серый, неудачного покроя, и галстук серенький. Одним словом, неброская внешность, как у шпионов в фильмах про войну. Познакомишься и через минуту забудешь, как выглядит, не узнаешь, если снова встретишь. Они бы никогда и не обратили на него внимания, если бы не эта дикая реплика: стоило Панчикову между прочим упомянуть о германском агенте Ульянове-Ленине, и человечек в сером пиджаке встрял с вопросом. Ах, Россия! Сама не знает своей истории! А ведь третье тысячелетие на дворе, милые, пора бы знать, что к чему.

— Дело сдано в архив, — сказал адвокат, подводя итог спору. — Как угораздило о Ленине вспомнить?

— Сам не знаю! — сказал Панчиков. — Наваждение!

— Призрак бродит по Европе, — сказал адвокат весело, — а пора бы ему на покой.

И в самом деле, подумал Панчиков, прежнюю жизнь вспомнить трудно.

Некогда брели по унылым улицам унылые, серые люди, только транспаранты были красные.

Не то теперь! Панчиков обвел глазами зал посольского особняка. Яркая комната приняла столь же ярких гостей — каждый был особенный, и одет всякий гость был своеобразно. Некогда поэт Мандельштам сетовал на то, что является человеком эпохи «Москвошвей» и на нем топорщится пиджак — ну, как на этом вот сером человечке. Нынешняя эпоха представлена совсем иной фирмой. Даже правительственные чиновники — среди гостей их было достаточно — не носят в наши дни скучные костюмы, но одеваются у лучших портных планеты. Что говорить о людях творческих, о кинозвездах, архитекторах, адвокатах! Адвокат Чичерин, например, был облачен в зеленый приталенный пиджак, рубаху в тонкую красную полосу, на шею повязал малиновую бабочку, и малиновый же платок высывался из нагрудного кармана пиджака. Сочетание цветов смелое, но изысканное.

Архитектор Кондаков украсил себя широкими цветными подтяжками: одна подтяжка лиловая, а другая — розовая. Вот его уж точно ни с кем не спутаешь: личность! Лидер оппозиции господин Пиганов, спортивный мужчина, был облачен в строгий костюм цвета крем-брюле, но упаковал свои ноги в остроносые ботинки желтого цвета. Подумать только — желтые ботинки! Но оппозиционер мог себе такое позволить. Директор радиостанции «Эхо Москвы» отличался от прочих гостей тем, что принципиально не носил пиджака, он гулял по залу в просторной клетчатой рубахе навывпуск. Вроде бы прием у посла, галстук положен — а он вот так, запросто. И всякий, едва взглянув на него, понимал, что человек это оригинальный, с собственным стилем в жизни. Директор музея Эрмитаж, академик и педант, — вон он, в глубине зала фуагра кушает, — носил поверх пиджака длинный белый шарф, брошенный на плечи. Казалось бы, в комнате тепло, к чему шарф, ведь академик не лыжник? Так бы подумал иной невежественный человек. Но дело в том, что таким вот оригинальным штрихом (белый шарф или рубашка в крупную клетку) состоявшийся индивид отделял себя от толпы. Каждый был здесь уникальной личностью, и туалеты подчеркивали это обстоятельство.

Серость недолговечна, мы это знаем теперь, похоронив коммунизм и уравниловку.

Однако почему мы вспоминаем Ленина? Призрак бродит по Европе, как точно сказано!

— Вампир жив, — пошутил Чичерин. — Ночами ищет жертву.

— Напрасно смеетесь. — Панчиков глазами указал на своего недавнего собеседника, бледного, словно кровь из него вампир высосал. Панчиков даже вообразил себе сцену, как мертвый Ленин, восставший из склепа, кусает граждан в шею и сосет кровь. — Вампиры существуют.

Серый, похожий на вампира человек скривился и опрокинул в себя рюмку сотерна; вероятно, ждал, что это крепкий напиток, и бледное лицо его выразило недоумение.

Он не опасен, он просто вульгарный провинциал, подумал Панчиков.

«Как вы сюда попали?» — вопрос вертелся на языке, но задать такой вопрос Панчиков счел невежливым, спросил иначе:

— Что вас привело на сегодняшнюю встречу?

— Позвали. — И серый человек махнул рукой в ту сторону, где чиновники Министерства иностранных дел поднимали тосты.

Панчиков оценил ситуацию. Вероятно, столичный чиновник захватил с собой коллегу из провинции, решил показать дикарю шик метропо-

лии. Вернется дикарь в тмутаракань — на год рассказов хватит: в таком месте отужинал! А вот посол напрасно разрешает приводить дикарей на приемы.

Панчиков поискал глазами посла: надо будет высказать претензию. Посол встретился глазами с Панчиковым, растерянно развел руками — мол, виноват! Панчиков покачал головой: дескать, устроили тут проходной двор!

— Надеюсь, вам здешняя еда понравится, — сказал Панчиков провинциалу и добавил: — Вижу, любите сотерн.

Серый человек подозрительно посмотрел на свою рюмку.

— Сотерн?

— Так вино называется.

— Вкусное, — и вампир протянул рюмку официанту. — Еще налейте, а?

3

— Сладкое вино, — поделился наблюдениями провинциал, — а я думал, сладкое только на десерт дают... Ну, вы-то, конечно, знаете все тонкости...

Панчиков и Чичерин ничего не ответили, отвернулись, но провинциалы надоедливые люди, так просто не отстанут.

— Скажите, а вы правда адвокат? — спросил серый человек у Чичерина.

Другой бы понял, что с ним говорить не хотят, постыдился бы навязывать свое общество. Этот же субъект назойливо обращал на себя внимание.

— Вы в самом деле адвокат?

Вся Москва знает адвоката Чичерина. Труднейшие дела вел адвокат, головоломные комбинации прокручивал, способствуя разделу имущества супругов Семихатовых: он — банкир, она — владелица гостиниц. Однако не бракоразводными процессами составил адвокат свою славу, но бескомпромиссным служением демократии. Именно Чичерин отстаивал права опального олигарха, нашедшего убежище в Лондоне; доводилось ему схлестнуться с властью, выйти один на один с Левиафаном.

— Весьма известный адвокат. — Панчиков взял труд ответить, а Чичерин улыбнулся.

— Повезло, что нас рядом посадили! — обрадовался провинциал и тут же себя поправил: — Слово «посадили» звучит нелепо. Нас бы с вами в одну камеру не поместили, наверное... — И засмеялся неприятным смехом.

Ну и шутки в провинциях. Адвокат и предприниматель переглянулись: пригласить, может быть, распорядителя? А провинциал продолжил:

— Известный адвокат, надо же! Значит, спор с правовой точки зрения решите.

— Простите?..

— Не следует принимать на веру обвинение, не подтвержденное фактами, правильно? Что значит «пломбированный вагон»? Вы как себе пломбы представляете?

Панчиков, несмотря на раздражение, должен был признать, что провинциал прав: термин туманный. Что, двери в вагоне опечатаны сургучной печатью были? Ну, говорится так — «пломбированный вагон», надо ли к словам придирааться? Все отлично понимают, что имеется в виду. Значит, ехали большевики в специальных условиях, без досмотра. Это Панчиков сдержанно и объяснил.

— Теперь понятно?

— Но ведь поездов было три — и все с политическими эмигрантами. От Временного правительства вышла амнистия политическим беженцам. Все шпионы? Во всех вагонах сургучные печати? — Где-то нарыл он сведения про три поезда, буквоед из глубинки.

— Не всем пассажирам германское правительство платило деньги, — с улыбкой заметил адвокат.

— Вы видели копии банковских переводов? — не унимался провинциал.

— Большевики избавились от улики.

— У власти был Керенский, распоряжений замечать большевистские следы не давал. Он следы искал.

— Все просто, — сказал Панчиков, — германскому командованию выгодно посеять смуту в армии врага. Большевиков ввозят в Россию — забрасывают шпионов в тыл противнику. Снабжают деньгами.

— Значит, большевики были шпионами?

— Это очевидно.

Прилипчивый, как репей, провинциал. Губы тонкие, как у всех скрытных людей. Близко посаженные глаза — признак ограниченности и назойливости; такие спорят часами — им в провинциях заняться нечем.

— Получается, что в тридцать седьмом сажали за дело.

Есть в истории страницы, на которые взглянуть без содрогания нельзя.

— Тридцать седьмой год — позор России, — сдержанно сказал Панчиков.

— Вы сами только что сказали, что Германия заслала шпионов. Вот их в тридцать седьмом и разоблачили. Бухарин — германский шпион. И Троцкий. И Карл Радек. Он даже признался.

Панчиков давно не участвовал в дискуссиях на тему октябрьского переворота. В студенческие годы был спорщиком, но чего же вы хотите от крупного бизнесмена — появились иные дела. Обыкновенно Панчиков говорил собеседнику так: «Доведись мне с вами полемизировать году в семидесятом, я бы вас по стенке размазал своими доводами. А сейчас, простите, времени нет». Россия большевистская была невыносимым государством. Он уехал в Америку тридцать лет назад, с трудом вырвался, — а вернулся обеспеченным человеком, с опытом жизни в свободном мире. Вернулся, чтобы помочь построить заново демократическую Россию, — так он всем говорил. Десятилетия тоталитаризма изменили ментальность граждан, разрушили культурный генофонд. Надо ли опять спорить о Лубянке и Ленине? Видимо, надо.

— Не знаете, как выбивали признание? — спросил Панчиков, намазал тост гусиным паштетом да и отложил в сторону: невозможно говорить про культ личности и есть фуагра.

Хорошо бы перебраться на другой конец стола, а сюда пригласить Фрумкину, редактора журнала «Сноб». Она бы данного субъекта без соли съела — Фрумкина умеет! Фрумкина сидела далеко от спорящих, но следила за разговором, яростный взгляд ее жег провинциала. Однако на званных обедах место не выбирают, подле тарелки ставят карточку с именем гостя, рассаживают принудительно. А вот в советские времена каждый плюхался на стул там, где хотел. Панчиков улыбнулся этому парадоксу. Демократия, если вдуматься, держится на регламенте и — не будем острожноничать в терминах! — на принуждении к соблюдению правил.

— Советские суды — это не правосудие, — сказал Семен Панчиков.

— Советским судом Бухарин был осужден, советским судом реабилитирован. Которому из судов не доверяете? А маршал Тухачевский?